

Алексей Павлов

САНТЕХНИК

• • •

Вида истинного интеллигента, слегка вшивой душонки и располагающей внешности, с внушающей доверие сединой, задумчивым взглядом, в чуть затертом пиджаке и старомодном плаще, с портфелем в руках, Лавочкин медленно брел с работы в сторону дома одной и той же протоптанной десятилетиями дорогой. Уже приятно по-осеннему вечерело, не хватало солнца, поэтому конец апреля сейчас больше походил где-то на середину октября. Погода располагала к задумчиво-философскому настроению, головы не покидали мысли об извечном.

Наверное, когда всю свою жизнь обитаешь в тихом подмосковном городишке – или не обязательно даже подмосковном, – ходишь одной и той же дорогой из дома на работу и обратно, когда работа стала давно родным домом, когда еще отец, а сейчас якобы интеллигентный сын, его жена и даже дети преподают высокое искусство в детской музыкальной школе возраста октябрьской революции, человеку искренне верится, что он – бог в музыке. И самое занятное, что в это верят все вокруг.

Почти все.

Почему-то не особо верит только одни, не настолько интеллигентного вида, всегда в рабочей спецовке, сантехник, тех же годов выпуска, и такой же старожил небольшого городка, как и Лавочкин.

Одного на всю округу знали как бога музыки. Нет, лучше назовем его чуть скромнее, суперстар, тем более что он действительно не молод. Другого – как высококвалифицированного специалиста, способного вмиг решить любую проблему сантехнического характера.

Анатолий Сергеевич брел и брел, о чем-то серьезно размышляя, и где-то там, в глубине своей души, будто бы любовался сам собой, как нарочито интеллигентно он смотрелся. Наверное, со стороны можно было бы сойти даже за эдакого Штирлица после выхода на пенсию из профессии, где «бывших не бывает». А борода, которую он с недавних пор отпустил, должна была выражать особую важность и придавать ему вид настоящего мудреца и знатока жизни. Но все же Лавочкин оставался всего лишь преподавателем фортепиано в музыкальной школе с огромным, можно сказать, стажем. Десятилетиями он трудился на невидимом фронте, причем настолько невидимом, что о невероятных результатах его труда все только слышали.

«О! Это же сам Лавочкин Анатолий Сергеевич! Его ученики даже в консерватории учатся!» – с завидным постоянством звучали подобные мнения, невзирая на то, что в консерваториях даже мирового уровня, как и в любом нормальном ВУЗе, частенько учится такое чудо, что посещают тревожные мысли, все ли в наш развратный век решают только деньги.

Но сейчас, в этот тихий апрельский вечер с чудной осенней погодкой, Анатолий Сергеевич на сей счет не беспокоился. Его ранимо-творческую душу тревожили мысли более прозаические, и даже грустные. Милейшая девочка Вита переиграла руки, да так, что теперь не может авторучку держать, не то чтобы продолжать невероятно

любимые занятия фортепиано. Она была одной из лучших учениц Лавочкина.

Вита занималась уже не первый год и мечтала о карьере профессионального пианиста, поэтому с большим усердием выполняла все задания Анатолия Сергеевича, искренне веря в него, как в бога... музыки. И вот, вдруг, руки сорваны, на глазах нескончаемый поток слез, мама не знает теперь, как и утешить своего ребенка.

Естественно, что СуперСтар заявил, что в этом нет его вины, хотя бы потому, что боги никогда ни в чем не виноваты. Он же не заставлял свою ученицу так много заниматься. Она сама... Кто-то из преподавателей попытался заявить, что опытный педагог должен предвидеть подобные неприятности у особо усердных учеников и вовремя их упреждать. Но авторитет Лавочкина был настолько странно непоколебим, что этого мнения не услышали.

Лавочкин говорил, что в юности он сам сорвал руки от чрезмерных усердий. Никто сейчас не мог удостовериться в истинности его слов, зато цель была достигнута, и все в его адрес с поклоном кивали: «Понимаем! Ох! Ах! Очень жаль! Однозначно, вы были бы великим пианистом!» Это и было нужно Лавочкину, дабы поднять свое реноме до небес, и уж обязательно выше уровня преподавателя музыкальной школы небольшого областного городка. Поэтому, скорее всего историю с переигранными руками Анатолий Сергеевич... нет, она ему приснилась, и сон оказался таким ярким, что он непритворно на протяжении всей жизни верил в его реальность.

Лавочкину было жаль талантливую девочку Виту, которой о фортепианном исполнительстве теперь придется забыть. Он действительно искренне сожалел на этот счет, только его сожаления несколько отличалось от того, как это понимали другие. СуперСтар жалел, что у него больше нет

такой яркой ученицы. Это только родители думают, что преподаватель – уже бог и ему нужно поклоняться. Преподаватель – это оказатель услуг, и он нуждается в клиентах, то есть в учениках. И уровень его учеников, их победы на всевозможных конкурсах – это в первую очередь его, преподавателя, имя и престиж.

Лавочкин страдал еще одной болезнью – слишком мучительно и ревностно воспринимал все то, что не относилось к миру классической фортепианной музыки. Приходит ученик, просит завтрашний урок перенести или отменить, потому что он готовится к соревнованиям по плаванию.

– Что? – поднял серьезные брови Анатолий Сергеевич и, после продолжительных уговоров, отвечал: – Ладно, иди в свой дурацкий бассейн.

И затем так заявлял каждый раз, и не только по поводу бассейна. А к данному ученику сразу же терял всяческий интерес. В городке детишек много, у СуперСтара клиенты будут.

Медленно сейчас брел Анатолий Сергеевич по вечерним улицам родного городка. Печалился. Он так хотел, чтобы его ученица Вита блеснула на конкурсе под скрытым названием «Ни о чем», а он бы с видом премьер-министра или вышедшего из тени Штирлица гордо принимал поздравления, с плохо скрываемым удовольствием впитывая и упиваясь трепетом и поклонами в его «скромный» адрес.

Эх, как же опять несправедлива судьба к Лавочкину! А вчера еще одна родительница набралась наглости, написала ему смс, что она, видите ли, с сыном не успевает из города вернуться, потому просит отменить урок, который он, Он! Сам СуперСтар аж на воскресный вечер поставил!

Да он бы мог валяться на диване и смотреть телевизор, а не тратить выходной на учеников! А они, неблагодарные, смеют отменять уроки у бога музыки! Он так любит строить из себя героя, а они, эдакие родительницы, препятствуют ему в этом! Вот выгонит он ее сыночка из своего класса, тогда она пожалеет! Нет, для начала он ее сыночка не выпустит на конкурс, пусть попляшет тогда и ученик и его мамочка! Но тут СуперСтар тяжело вздохнул, понимая, что нерадивого ученика, который променял великую классическую музыку на плавание, компьютер и прочую бредятину, придется выпускать на конкурс, ведь Вита там уже не блеснет.

Тяжкие мысли одолевали Лавочкина, когда уже полпути было позади. Он даже снизошел с небес на землю, признав однажды, что не самым лучшим образом ставит руки детям. В реальности, он попросту портил детей, изначально давая им неправильную постановку, после чего те прекрасно тормозили в развитии. Такое частенько случается у преподавателей музыки, и не только фортепианной. Тем не менее, почтение к нему оставалось на высоте, родители, очарованные божественным предназначением СуперСтара, подталкивали своих чад к более усердным занятиям, и детишки, преодолевая кривизну по постановке рук, все равно делали успехи.

Повернув за угол пятиэтажки, Анатолий Сергеевич поднял глаза, и ему окончательно поплохело. В поле зрения показалась его главная беда по жизни – сантехник!

С Евгением Бакиным она были знакомы настолько давно, что обоим казалось, будто они ходили в один детский садик, в одну школу, еще куда-то в одну... и теперь с завидным постоянством даже дорога домой у них выходила одна.

– О! Профессор! Здорово! Как поживаешь?! – сантехник протянул немытую руку, и Лавочкину пришлось пожимать ее, немного брезгливо поглядывая. – Да не бойсь, профессор! Наши руки только в унитазах бывают да разводной ключ держат! А там грязи нет, только... Как дела-то?!

– Спасибо, хорошо, – нарочито неприязненно отвечал Анатолий Сергеевич.

– Пивка не желаешь? У меня имеется! Вот! – сантехник приоткрыл пакет, из которого красовалось пару бутылок пива.

– Нет, спасибо, – и Анатолий Сергеевич захотел уйти.

– Да стой! Я же от чистого сердца тебе предлагаю!

– Я не пью.

– А я что, пью, что ли, по-твоему? – не отставал сантехник, возмущаясь на ходу. – Нет, профессор, ты объясни! Если после рабочего дня выпиваю бутылочку, значит, я уже пью, да?

– Я не говорю, что вы пьете.

– Мы вот с тобой столько лет одной дорожкой ходим, а никак не познакомимся поближе. Я знаю, ты человек большой! Уважаемый! А я кто? Ха! Сан-тех-ник!

– Тоже важная профессия. Кстати, я с вами на «вы» разговариваю.

– Ох! Вот удружил! Да мне твое «вы», как вороне водопроводный кран! Давай, пива выпьем!

– Да отстаньте вы со своим пивом! Сказал же, что не пью я!

– А я водки разве предлагаю? Водку и я не пью! А пиво – это приятный напиток, если чуть-чуть! Вон, вишь лавочка, идем, посидим, потолкуем о жизни.

– Нет, спасибо, мне домой нужно.

– Прямо как первоклассница, – сумничал сантехник, – домой ему надо. Не опоздаешь. Идем пиво пить!

– Да отстаньте вы! – отмахнулся Анатолий Сергеевич, желая уйти, но навязчивый сантехник, оставаясь на месте, выкрикнул:

– А хочешь, ты со мной не только пиво пить будешь?!

Лавочкин, не обращая внимания, удалялся, давая самому себе зарок больше никогда не ходить этой дорогой.

– Профессор! А настройщик твой – мошенник!

– Что?.. – сразу же остановился Лавочкин, оборачиваясь, изображая вселенскую обиду на лице и дикое недопонимание. – Что вы сказали?..

– Мошенник ваш настройщик пианино!

Лавочкин, краснея от охватившего его возмущения, приглаживая ладонью волосы, подошел к сантехнику, жалея, что он преподает музыку и Моцарта, а не профессиональный бокс.

– Да... да как вы!.. как вы можете! Юрий Николаевич уважаемый человек! – голова Лавочкина несколько раз дернулась, а за ней и левая бровь. – Он большой мастер! Его повсюду знают!

– Козел он, а не мастер! Пиво будешь? – спокойно предложил сантехник, доставая первую бутылку.

– Да вы знаете, где он настраивал? Знаете, куда его приглашают? – продолжал возмущаться Лавочкин.

– Да, байки он заливать умеет! Так как насчет пива, профессор?

– Я с вами не то что пиво, последний хлеб в блокадном Ленинграде есть не стал бы!

– О! А вот святое не трогай, профессор! А то достану сейчас разводной ключ...

– Не угрожайте мне! – старался держаться СуперСтар.

– Я тебе не угрожаю, просто говорю, что сволочь ваш настройщик. Маленький пошлый мошенник!

– Хорошо... – чуть не тряся от злости Анатолий Сергеевич, нервно комкая слова, – хорошо... давайте... давайте, присядем на той лавочке.

– О! Другое дело!

Присев, сантехник достал обе бутылки, откупорил их с профессиональной легкостью, протянул одну Лавочкину.

– Нет. Я так не могу.

– Ну, не строй из себя девочку, профессор. «Не могу я!» Держи. Хорошо, вот тебе индивидуальный стакан. Да не боись, не пользованный пока! Новенький, беленький! Глянь, как сияет!

Лавочкин даже не заметил, как в его руке уже был пластиковый стаканчик, а в нем налитое пиво.

– Почему Юрий Николаевич, по-вашему, мошенник? Он всеми уважаемый настройщик!

– Не мели языком, Троцкий! Не в твитере! – сантехник осушил первый стакан, утираясь рукавом. – Тоже мне, уважаемого нашел. Мы народ простой, и вас, вшей, хорошо видим. Ха! Представляю, если бы моя жена кому-нибудь сказала, что ее муж – настройщик... этих... как их, пианинок! Вот позорище-то! Уж лучше дворник или грузчик. Давай стакан! О, профессор, так ты еще не выпил?

– Прекратите немедленно! – и от ярости Лавочкин опрокинул стакан с пивом, швыряя его мимо урны.

Сантехник поднял, и опустил брошенный смятый стакан куда нужно.

– Эх, а еще культуру преподаете!

– Извините, это я от нервов.

– Да какие у тебя могут быть нервы, профессор? Катаешься как сыр сметанный в сладком соусе! Весь

холеный, прилизанный, костюмчик, галстучек! Теперь из горла пить будешь!

– Не буду.

– Будешь. Сейчас я тебе кой-чего про баклана этого поведаю, за водкой побежишь. Держи!

– Нет, сказал! Пойдите, это вы о ком так?

– О настройщике вашем великом!

– Немедленно прекратите! Это уважаемый человек! Как вы смеете?! Он!.. Он в Доме Правительства настраивает!

– О! Да, там не облапошишь! Внушок Феликса Эдмундовича быстро по башке-то даст и в Соловки отправит!

– Кто?.. Чей внук?..

– Профессор, да ты, никак, совсем от жизни отстал со своим Бетховеном? Кто страной-то нашей правит, позабыл?!

А Лавочкин знай свое дело, продолжал превозносить великого настройщика пианино.

– Его рояли повсюду стоят! И не только в нашей стране! Повсюду! У известных людей!

– Да не прикрывай ты голый зад плохой погодой, профессор! – отмахнулся сантехник. – Слышал я уже эти байки! И как эта, мадонна, что ли, в очереди у него стоит!

– Да откуда вы можете знать о Юрии Николаевиче? Это очень уважаемый человек! Он настоящий мастер-настройщик! У них вся семья!..

– Мошенников? – перебил сантехник. – Вся семья мошенников, ай-ай-ай! Куда страна наша докатилась! – качал головой сантехник. – А вот знать мы можем, профессор, – сантехник, закулив и хитро прищурившись, пояснил, – здесь ты ошибаешься, культура хренова. Городок у нас не велик, чай не столица, и все на виду. И всё

на виду. Пока вы, мелкие жулики, высокими искусствами прикрываетесь, не думайте, что такими невинными вас все считают.

– Объясните, наконец! В чем же вы так обвиняете Юрия Николаевича?

– Пивка!

– Нет.

– Тогда не объясню.

– Ладно, давайте.

– Держи. Извиняй, культура, стакан ты сам выбросил.

Пей теперь так.

– Рассказывайте.

– Ты не следователь, не командуй. А-а, свеженькое! Тц!.. Короче, профессор, вижу, ты человек не совсем пропащий, шансы имеешь. Может, исправишься хоть на старости лет. Поэтому тебе расскажу. А этот ваш, всё – кончито полное! Хурст!

– Кто?..

– Не важно.

Анатолий Сергеевич не понимал сути и того, как он мог сидеть рядом с этим наглым сантехником и до сих пор не огреть его по голове бутылкой. Но одно дело в порыве творческого экстаза нет-то нет да шлепнуть по рукам нерадивого ученика или ученицу, а другое сантехника, у которого тяжеленький инструментарий при себе имеется.

– За что вы так настройщиков не любите?

– Да упаси Бог, профессор! Среди нашего брата жулья тоже хватает. Но у нас все так, по мелочи, больше руки из заду растут. Такое в любом ремесле. Но чтобы от культуры?! И такой цинизм! Жу-лик!.. Я не ожидал!

– Может, все-таки расскажете, в чем так провинился фортепианный мастер?

– Мас-тер! Этот точно – мастер! Короче, профессор, кручу я у одной мамашки кран. Хорошая такая мамашка, одна двоих детишек воспитывает, как муженек свалил. И тут приходит этот хмырь. Настройщика, говорит, вызывали? Она ему вежливо так, добро пожаловать. Вот чаек для начала, кофеек. А ему чего покрепче бы желаемо, да не время, видимо, еще.

– Зато у вас, смотрю, время.

– Молчи, профессор, и слушай дальше. А не интересно – я пошел.

– Нет уж, извольте докончить.

– Хм... и говор-то у вас, у культурных, какой-то некультурный. Ладно. Этот специалист заходит в ванную, типа ручонки помыть. И так он пренебрежительно на меня посмотрел!

– Поэтому вы на него и обиделись?

– Что ты такой нетерпеливый, профессор? Плохо тебя воспитывали в детстве.

– Извините.

– Ничего. Ну я ему, значит, пожалуйста, мастер, работа у вас тонкая, вот здесь сейчас можете ручки помыть. Он, когда вышел, и говорит, что, действительно, работа у него прямо упадешь! Поэтому он одевает халатик, распаковывает чемоданчик с инструментиками и заявляет, чтобы ни единого звука никто не издавал, потому что четкий слух может не уловить различной фальши звука.

– Абсолютный.

– Что?..

– Слух у Юрия Николаевича абсолютный, а не четкий.

– Ко-неч-но! И нюх тоже... музыкальный, гнида. Не ты, профессор. Во всяком случае, я так надеюсь.

Анатолий Сергеевич снова стерпел, не замечая, как от злости уже допивает пиво.

– Все, значит, создали мастеру идеальную тишину, хозяйка даже меня попросила посидеть на кухне, чтобы не издать лишнего звука. Сидим мы и ждем вердикта. Минут тридцать этот паразит что-то крутил в пианине, потом выходит и говорит, полный швах, пора в утиль.

– Кого?

– Тебя! Или его! Пианину, кого ж еще?! Хозяйка в ужасе, готова чуть ли не на колени перед ним упасть. Ей этого настройщика так рекомендовали, так рекомендовали, что она ему теперь верит... О, профессор, она ему верит, как другие родители тебе, обманщику!

– Что?!.

– погоди, до тебя еще очередь не дошла. Но еще пива у меня нет, поэтому сам в магазин побежишь, если что.

– Вы в своем уме?

– Я-то в своем, профессор, уж поверь. У нашего брата работенка не хитрая, хотя тоже навык нужен не хуже вашего. Ну, давай я тебе про жулика этого дальше расскажу. Или, может, ты и сам знаешь? Зачем тогда я тут распинаюсь?

– Не знаю.

– Врешь, – сантехник пронзительно посмотрел в глаза преподавателя, и тот чуточку смутился, – ну вижу же, врешь.

– Не вру. Кое-что слышал, да думал слухи, языки злые, от зависти.

– О-о!.. – протянул сантехник, – говорю же, ты не потерял еще для общества, профессор. Тебя излечить можно.

– Давайте дальше.

– А что дальше? Выходит этот мастер, потирает свои пухленькие ручонки, бегают довольные глазенки, и говорит, что пианина ремонту не подлежит. Только на

мусорку. Нужно другое. Мамашка в шоке, боится и спросить, сколько же денег ей готовить. Тот, такой же профессор квашеной капусты, как и ты, отвечает, что, коли ей о нем такие важные люди сказали, сама какая-то там педагогша, он готов бедной женщине помочь. Мамашка от радости чуть не прослезилась. Детишки-то играют, профессор! А ты знаешь, что, когда детишки играют, мамашка последнее отдаст?!

– Знаю.

– Ничего ты, профессор, не знаешь. Я давно уже про вас все понял. Говорит ей настройщик, есть у него в городе одни очень хорошие люди, которые возьмут ее пианину! Только недорого! А иначе она еще сама заплатит, чтобы этот гроб утилизировали! Он ведь, зараза, полтонны весит! Это мастер заявляет так, что полтонны. Мамашка на радостях даже не спросила, сколько ж ей за гроб дадут. Но когда тот осторожно так озвучил, осеклась. Но в конце концов согласилась. Как же культуре такой не поверить, профессор?.. давай, беги за пивом.

– Я больше не буду.

– Не буду, – скривил губы сантехник. – Еще как будешь, когда твоя очередь наступит!

– Лично я ни в чем не виноват.

– Посмотрим! Слухай дальше! Говорит, значит, мастер великий, что есть у него одни знакомые, которые как раз продают очень хороший инструмент, пианину, то есть, и совсем недорого. Правда, когда он озвучил цену, хозяйка чуть со стула не рухнула. Я-то уже краны крутил, и то выглянул. А он ей отвечает, если та будет быстро покупать, он сможет продавцов убедить цену уступить. Ведь для детишек же, его раз-ети! Короче, укантовал он мамашку мастерски, ничего не скажешь. Круто укантовал. Чувствуется сразу – спец, гад.

– А в чем, собственно, он виноват?

– И я бы так подумал, профессор, если бы глазки мне его не увидеть, пока он сладко так заливал о пианинах. За пивом идешь?

– Нет.

– Ничего, скоро бегом побежишь.

– Даже не подумаю.

– Ушел великий мастер, обо всем договорившись.

Мамашка давай сразу по родне звонить, денег займы просить. Ведь ребёнки ее заниматься должны. Один-то из них у тебя, прохвоста, учится! Старшенький который. Говорят, талантливый мальчишка.

– Как фамилия?

– Сам скоро догадаешься. Заплатила мне хозяйка за краны, и не поверишь, не выдержал я, отдаю деньги обратно. Ну что, последний кусок, что ли, доедаю? Пожалел женщину, видно, туго у нее совсем. А мне уже с утра бог пару калымчиков хороших подкинул. Я там подзаработал на карман. Честно подзаработал, не думай, профессор.

– Да я верю.

– Ну, не буду кривить душой, вернул ей только половину. На халяву работать тоже не с руки как-то было. Много у нее там проблем накопилось, полдня в три погибели гнулся. Ну да ладно. Выхожу, значит, я из квартиры, лифт не фурычит, спускаюсь по лестнице. Как раз недавно этот мастер удалился. И только я дверь подъездную приоткрываю – мне еще люди навстречу заходили, и я их пропустил, – а настройщик этот здесь же, на лавочке по телефону треплется. Ну, думаю, дела стряпает. Придержал я ногой дверь, чтобы не совсем закрылась, и прислушался. Не скрою, профессор, такой интерес меня охватил, что я, гордый сантехник, стал подслушивать, как последний... не важно, в общем, кто.

– И что вы там такого услышали?

– Время тикает, профессор! Скоро пивом не отмажешься!

– Хорошо, куплю я вам пиво, если дальше расскажете.

– Вот, другое дело! А услышал я следующее. Паразит этот кому-то по телефону втирает, что шикарный инструмент он у одной лохушки забраковал, и что срочно, не позднее чем сейчас, максимум завтра поутру, его нужно вывозить. Затем он им цену своих услуг объявил. Вот тут я чуть не рухнул, профессор. А когда там, видно, не согласились, он сразу же объяснил, сколько эта пианина в реале стоит. И если они не согласны, то он знает, кому еще срочно позвонить, и те люди не такие жадные.

– Не может быть. Юрий Николаевич...

– Фиркандон твой Юрий Николаевич, профессор! Я бы похлеще сказал, да воспитание не позволяет при культурных людях выражаться.

– Он даже репетицию усложненную разработал.

– Чего?..

– В механике для пианино. Патент у него есть. Вам не понять.

– На брехню у него патент выписан! Такой же и на механику! Вон магазин, ступай за пивом, профессор!

– Хорошо, я куплю вам пиво, – заявил Анатолий Сергеевич, поднявшись и немного нервно шаря по карманам, сам не зная зачем.

– Деньгу подкинуть?

– Не надо. Сколько.

– Чего?

– Пива сколько?

– Сколько выпьешь. Я больше одной за вечер не пью. Только по праздникам.

– А я пить и не хочу.

– Шучу! Неси, а то закроется!

Когда Анатолий Сергеевич вернулся с пакетом, в котором чуть позвякивали четыре бутылки пива, сантехник вальяжно сидел на лавочке и курил.

– Вот.

– Открывай.

– Я стаканы взял.

– Молодец, профессор! Наливай. Но я не буду. Завтра с утра на работу.

– Да бросьте вы.

– Что же вы о нас так плохо думаете все?

– Кто все?

– Представители культуры всякой! Если сантехник, значит, алкоголик, да? А я, между прочим, не глупее тебя буду!

– Верю.

– Ладно, пусть сегодня будет исключением. Такой вечер и с таким важным человеком. Давай и мне бутылочку. Да оставь ты себе свой стакан, чистоплюй, я уж попростому!

Когда они посидели немного молча, выпив по полбутылки пива каждый, Анатолий Сергеевич вдруг подумал, даже пугаясь, вот если его кто заметит. Ведь он известный в городе человек! Он такой известный, что может быть даже и во всей стране его знают! Но он скромный, поэтому не знают... во всей стране. И тут на вот вам, сидит сам Лавочкин на лавочке и пьет с каким-то забулдыгой пиво. Анатолий Сергеевич вмиг бутылку припрятал, озираясь по сторонам, словно жулик после дела.

– О-о, профессор! – просек сразу же сантехник. – Не боись, фейс свой не испортишь! Пока еще народ тебе верит!

А пивка после работы – это не грех! Людей дурачить, мамашек одиноких – вот это грех!

– Что было дальше?

– Ничего. Облапошили быстренько хозяйку ту. Увезли ее дорогую пианину рано утром, и в этот же день, по великой рекомендации мастера-настройщика, какая-то фирма привезла ей другой гроб. Она даже смотреть не ездила, некогда ведь. Поверила такому уважаемому мастеру.

– Мне очень жаль.

– А-а... значит, ты знал.

– Нет, не знал. Слышал что-то, но не верил. Не может быть. Такой человек и...

– Деловой, это называется, человек. Сейчас все деловые, – пояснил сантехник, замечая, что профессор начал краснеть. От хмеля, от совести вряд ли.

– А что вы обо мне хотели сказать? – осторожно поинтересовался Анатолий Сергеевич, на всякий случай прокручивая всю свою жизнь, удостоверившись, что никого так нагло никогда не облапошил. Только не нагло.

– Вот, профессор, сколько лет мы с тобой одной дорогой ходим, ты всегда косишься в мой адрес, а ни разу так хорошо по душам не посидели. Что вы за люди такие? Не можете по-простому! Все из себя культуру небесную строите! Будьте вы проще! Ведь вам может и умный человек попасться, который просто вас на смех поднимет!

– Это вы сейчас про себя?

– Нет... хотя... я тоже не дурак, – и тут сантехник резко придвинулся к Анатолию Сергеевичу и заговорил чуть быстрее, акцентированно, – как мужичок один! Молодой, но умный!

– Какой еще мужичок?

– Который уже тебя раскусил, профессор! Он, наверно, поклонник невидимый этой хозяйюшки. Приехал, она ему про беду свою и рассказала. Не думай, он мне оплатил, чтобы я всю сантехнику ей починил, а то негоже, когда все старое, ржавое и ремонта требует постоянно. Поэтому в этой квартире я с утра до ночи несколько деньков и работал.

– Не понимаю, о чем вы сейчас.

– погоди, профессор, сейчас поймешь! – потер руки сантехник, закуривая. – Говорит этот мужичок не местный, что в музыке-то он не Бах, понимает, как я в балете, но вот знакомая у него имеется, так конкретный Моцарт. Не чуешь, к чему дело клонится, профессор?! – сантехник откинулся на спинку лавочки.

– Не понимаю.

– Привозит этот мужичок дамочку одну, важная такая, сразу видно, ученая, может, тоже профессор, только уже настоящая. Поиграла она на этой пианине, да так, что у меня разводной ключ даже из рук выпал. Я вышел, говорю, можно хоть несколько секунд на чудо такое игровое поглазеть? Она мне вежливо отвечает, что, мол, пожалуйста. Еще поиграла, я обмер, профессор! Потом еще, и глазки свои симпатичные немного удивленно округлила. Короче, впарили этой бедной мамашке полную помойку и за приличные деньги! Тазик, а не ящик музыкальный! Такого барахла хоть вагонами по объявлениям скупай за три гроша! Что скажешь, профессор? Сколько же снял с нее этот фрикандон?!

– Я... я не знаю...

– Скажи спасибо, что эта мамашка такая добрая. Она целый час уговаривала своего поклонника, чтобы тот не прибил этого настройщика вашего! А жаль, я бы добил! Прямо вот этим ключом разводным!

Они немного помолчали.

– Кстати, – продолжил тихо сантехник, – когда эта дамочка услышала название того пианино, которое было продано за грош, сказала, что инструментарий был уникальным. Его чуть подделать, только настоящим мастерам, цены б ему не было! Деньжищ оно стоило, мама не горюй! Передай настройщику, пусть по этой улице не ходит, я с ним пиво пить не стану, только если на его... а, пусть живет. Бог нам всем судья.

– А про меня-то вы что хотели сказать? – осторожно спросил Анатолий Сергеевич, окончательно захмелев, догадываясь уже что к чему.

– Про тебя? Да... уже темнеет. Красивые у нас места все-таки. Всю жизнь здесь живу, и так хорошо мне от этого!.. Что про тебя я могу сказать? Бракодел ты, профессор! Конкретный бракодел! Музыкантша та, пожалев мамашку, сказала, что и на этом пианино ее детки могут прекрасно обучиться. И давайте она их, в знак уважения, послушает... Послушала.

Лавочкин напрягся.

– Сказала, что вам срочно нужно менять преподавателя обоим деткам! Руки... ой, как уж там по вашей терминологии, кривые, короче, руки. Вот так, профессор! Криводел ты! А я, между прочим, за всю жизнь ни одного крана плохо не поставил, или хотя бы переделал. Ни одной доброй прокладки не стырил у хозяев. А после тебя, как сказала дамочка, руки детишкам нужно год выправлять. И это как минимум! И не верить ей я не могу. Глаза у нее уж очень хорошие. Добрые глаза. А когда она свои божественные руки на клавиши кладет, то музыка льется, я устоять не могу. Это не то что под вашими окнами проходишь!

– Там только учатся.

– А кто их учит? Правильно, – совсем на тихий тон перешел сантехник. – У меня соседка, ее дочь в вашей школе выть учится. Терпения нет, когда она за стенкой арии выводить пытается. Хоть сам волком вой.

– Чего?..

– Да-да, профессор, именно выть, а не петь. Я в музыке вашей, конечно, полный ноль, но когда душевно поют, даже я понимаю.

– Учились в детстве?

– Нет... – так наивно ответил сантехник, с такой неповторимой физиономией одесско-еврейского шарма, что Анатолий Сергеевич усмехнулся. – В детстве? В детстве в нашей семье любили хорошие песни слушать. Утесова, у которого нет голоса, но поет душа. Это он сам так говорил, если я не ошибаюсь. Арии Георга Карловича.

– Кого?

– Помешались вы на своей иностранщине, профессор! У меня на моцартов уже аллергия, хоть сам Моцарт, вполне возможно, нормальный мужик был. Отс! Георг Карлович Отс!

– Я просто не понял сразу, – оправдывался Анатолий Сергеевич.

– А я бы понял сразу. Заметь, профессор, я – сантехник, а не ты. Как только по радио услышу его мистера икса – признаюсь, больше ничего и не знаю толком, – слушаю, аж дух захватывает. Вот это действительно пел человек. А сейчас что? Как они поют и кто их этому учит?

– Сейчас тоже есть гениальные голоса.

– Конечно есть. Только где они? Одни прохиндеи по ящику! Эту самую арию как-то «король» затянул, да так будто крысе хвост прищемили.

– Какой король?

– Один у нас королем эстрадным называется-то! Голым! А как он заявил, что он тоже чуть-чуть мистер Икс, так я прямо в радио чуть не плюнул. Или в телевизор, уже не помню. Да что там говорить, порой на вызов придешь, смотришь, а на антресолях книги великих авторов десятилетиями пылью покрыты. У хозяев руки просто не дошли на помойку их отнести. А пошлые романчики истрепаны валяются на тумбочке в прихожке. Вот такие дела, профессор, такие дела. Ладно, допивай пиво, пойду я.

Сантехник поднялся, явно ему было хорошо от того, что он в лицо такому важному и уважаемому человеку высказал все, что о нем думает. Хотя бы так.

– Пойдите! – взволновался Анатолий Сергеевич и тоже поднялся. – Пойдите! Давайте еще по бутылочке!

– Профессор, а тебе не много будет?

– Нормально. Прошу вас! Садитесь! Пожалуйста!

– Ну... – покачал головой сантехник, – раз пошла такая пьянка... но по одной, знаю я вас, интеллигенцию, только начни наливать, глотки луженые.

– Я не пью. Очень редко. Держите. Черт, да как же ее открыть-то!

– Дай я, а то ручки свои пианинные еще повредишь.

– Да и!..

– Не надо. Я сам открою.

– Сейчас... – Анатолий Сергеевич залпом выпил полбутылки, видимо, в нем настолько давно все накипело, что теперь он больше сдерживаться не мог.

– Не спеши ты, профессор. Я вроде не гоню тебя.

– Фу-ух... – и допил остатки бутылки.

– О-го!.. – тарасил глаза на культуру сантехник.

– Дайте сигарету.

– Ты еще и куришь?

– Иногда. Когда нервничаю.

– Ну, держи. Вот и зажигалка.

Анатолий Сергеевич нервно закурил, несколько раз сильно прокашлялся, давась дымом, после подняв глаза, даже не заметил проходящих мимо двух женщин, которые:

– Добрый вечер, Анатолий Сергеевич! – раскланялись они, немного смущаясь увиденными пустым бутылкам возле лавочки.

– Ой, нехорошо-то как, – самодовольно протянул сантехник, когда женщины ушли.

– Сейчас!.. Знаете?.. – и Анатолий Сергеевич выдал очень нервный, рваный монолог, возможно, единственное по-настоящему культурное произведение в своей жизни. – Я соглашаюсь... я согласен с вами! Да... Да-да, вы... вы правы! Вы абсолютно правы! Я... боюсь!.. Боюсь даже думать о том, что вы сегодня мне сказали!.. Да, я боюсь! Мне страшно! Я скоро уже как сорок... сорок лет работаю... преподаю... мне все кланяются, и я верю... Ведь это приятно! Это та-ак приятно, и я... нет, мы... мы все верим... кому кланяются! Знаете, я ненавижу!.. ненавижу себя за это! Да-да, верьте мне... или лучше нет... не верьте! Но я все равно себя ненавижу за это!.. За свою такую слабость! А ведомо ли вам, в чем моя слабость? Вы все точно подметили! Вы, верно, не сантехник. Или не должны были им быть, но все очень точно!.. Дайте, дайте еще пива!.. И сигарету!..

Анатолий Сергеевич снова закашлялся дымом, выбросил сигарету, на этот раз как культурный человек в урну.

– Моя слабость ужасна! Она ужасна! Я действительно очень плохо ставлю детишкам руки! Это... это правда, хотя в это и никто не верит! Даже другие преподаватели! Вот ведь нонсенс! Не верю теперь и я! У многих слишком близкая посадка. У других провалены кисти. И почти у всех

висят большие пальчики!.. Но они такие талантливые, что все равно играют!.. Все равно играют здорово!.. Выступают! Поступают дальше!.. И все, что мне нужно – начать их исправлять! Но для этого... для этого нужно максимально упростить программу и начать все сначала. С нуля... А как быть?.. Конкурсы разные! Губернаторский! Выступления! Концерты один за одним! Там нужно сложную программу показывать! Некогда! Некогда руки исправлять! Да... да и... боюсь я... себя боюсь...

– Вита... – тихо произнес сидевший и куривший на лавочке сантехник, внимательно слушая всю жестикующую профессора, явно вышедшего из привычного русла мирного течения. Теперь его штормило на все семь баллов.

– Что?.. А... О, вы знаете эту девочку? Верно, вы и в их семье кран чинили?

– Нет. Моя внучка с ней учится в одном классе. В обычной школе.

– Да... да-да, это только моя вина. Только моя. Завтра я уже этого не признаю, но сегодня... за это я себя ненавижу!.. Не-на-ви-жу!.. Но только сегодня!

– А за что еще?

– Еще?.. А-а... много за что... вот, смотрите, – Анатолий Сергеевич, пошерудив во внутреннем кармане пиджака, небрежно отпустив галстук, извлек мятый листок бумаги. – Вот, я даже специально записал. Те-ги... О-о!.. Теги.

– Чего?.. – сморщился сантехник.

– Тц... Если бы я знал. Ученик мой, проклятым компьютером бредит как ненормальный! Сколько я ему объяснял музыку великого Моцарта! Баха! Гайдна! Сколько сил в него вложил, он же талантливый невозможно как! И все коту под хвост! Кто-то его увлек этой бездушной

железкой, парень стал делать, как их, сайты, будь они неладны, и теперь его голова забита... Сейчас, не могу я запомнить таких странных слов... его голова полностью забита... те-гами... Дожили, называется.

– Да-а, профессор... – протянул сантехник, допивая пиво и докуривая сигарету.

Анатолий Сергеевич сел на лавочку и тоже немного облегченно выдохнул.

– И что мне делать, я не знаю. Я, наверное, во многом не прав, может быть, даже во всем, но я не знаю, что мне делать. Не знаю – и все тут.

Странные собеседники снова чуть помолчали. Сантехник поднялся, взял свою сумку с инструментами и хотел уйти. Ему нечего было сказать учителю музыки, потому что он неожиданно... неожиданно зауважал, что ли, его. Или сочувствие к нему возникло.

– Постойте, – окликнул Анатолий Сергеевич сантехника, который отошел только на несколько шагов. – Хм... уже совсем стемнело.

– Да, погодка отменная. Домой мне пора, профессор.

– Скажите, вы же не сантехник?

– Я? Самый настоящий я сантехник, уж... уж поверьте.

Анатолий Сергеевич с первого раза не заметил, что этот вроде бы наглый мужик вдруг перешел с ним на «вы».

– Что бы вы сделали в моей ситуации? Я в тупике, – растерянно спросил учитель музыки, ощущая, что уже конкретно пьян.

– Я?.. Хм... все бы поменял.

– Чего именно? – поднялся Лавочкин.

– Себя. Самого себя. Свое отношение ко всему.

– Но как? Что именно менять?

– А вы готовы?.. Анатолий Сергеевич, вроде бы, вас величать?

– Да...

– Так вы-то сами готовы в себе все поменять?

– Я не знаю... но хочу. Очень хочу. Только не знаю как.

– Просто. Пошлите все в тартарары и начните вы делать так, как вам подсказывает сердце. Но только так, а не как ваши фальшивые конкурсы предписывают. Концертики, на которых детишки иногда поют с лживым пафосом великих звезд, которому вы же их и обучаете! И им все хлопают! Хлопают! Конечно, это же их мамашки и бабульки! Они-то своим чадам всегда похлопают. Но ведь и дамочка такая может неожиданно даже в нашем захолустье объявиться, вот позор-то тогда на вас ложится.

Сантехник еще немного продолжил развитие своих мыслей, после быстро закруглился.

– Как вас зовут? – спросил Анатолий Сергеевич.

– Жека, если по-простому. А так Евгений.

– А по отчеству?

– Не стоит, профессор. Евгений Бакин я.

– Хм... не поверите, но у меня дома уже неделю подтекает кран.

– Так пойдете, я починю! Нет проблем! Для вас бесплатно! Хотя, нет, лучше завтра. Давайте адресок запишу. Во сколько будет удобно?

...

На следующий день Анатолий Сергеевич пришел в свой класс как всегда за пятнадцать минут до начала первого урока. Он был непривычно бодр и находился в

несколько странно-возбужденном расположении духа. Что-то напевал себе под нос, причем не классического.

А за пять минут до начала урока случилось невероятное. К нему в класс заглянул настройщик.

– Доброе утро, Анатолий Сергеевич, – будто уж из гнилых кожурок мандарин и протухших киви, влился сквозь неприкрытую дверь великий мастер, – может, чайку с утраца, а? У меня тут клиентки одни имеются, люди не бедные, как раз у вас учиться их тупенькая дочка будет. Если вы сделаете, как я скажу, мы с вами неплохо сможем урвать.

– Что нужно сделать? – сурово спросил Анатолий Сергеевич, держа руки в карманах брюк.

– Сущие пустячки, Анатолий Сергеевич! Сущие пустячки! Порекомендовать меня и только!

– Для чего?

– Им же нужно пианино, правильно?

Учитель музыки кивнул.

– Вы скажете, что без моих консультаций их обманут в магазинах непременно! Можно брать только с частных рук! Или на проверенных фирмах. А вот где именно, это уже моя забота. Я в такое место их привезу, там пианино имеется – просто супер! Цена, конечно, не малая, но и у них дом, вы бы видели! Ничего, раскошелятся!

– А пианино-то хоть хорошее?

– У-ни-каль-ное!.. Клянусь! Сам... – настройщик озвучил марку мирового бренда.

– А состояние как, Юрий Николаевич?

– Состояние?.. Нормальное состояние, на музыкальную школу хватит. Я там кое-что подкручу, старенькие деталюшки поставлю, покатит. Но им об этом говорить не нужно. Пусть для них там все будет по высшему уровню! Главное, скажите, уважаемый Анатолий Сергеевич, что без

меня покупать пианино ни-ни – нельзя и точка! Для них ваше имя – это всё! Вы же бог в музыке!

И вдруг этот самый музыкальный бог чуть отклонился назад, продолжая не вынимать рук из карманов, и будто боевой петух, как гаркнет во всю глотку:

– А ну-ка, вон отсюда! Гнида!

Настройщик под вывеской «Гнида», выпучив глаза, – явно у него лопнули от громкости абсолютно слуховые перепонки, открыл рот и, вылетая, чуть дверь не снес с петель. А вместе с дверью заодно и директора музыкальной школы, которая как раз направлялась в класс Анатолия Сергеевича.

– Вон! – уже в коридоре продолжал орать учитель музыки. – Ой, здравствуйте, Вера Сергеевна.

– Боже мой! Что это тут у вас, Анатолий Сергеевич?!

– Он!.. Он!.. Сошел с ума! – на всякий случай отойдя вдоль коридора подальше, пояснил настройщик, вида крысы, которой прищемили хвост, пока она выла арию мистера Икса.

– Вера Сергеевна, – уверенно заявил Анатолий Сергеевич, – этот человек должен быть немедленно уволен! Немедленно!

– Что?.. – не поняла директорша.

– Чего? – взвыл настройщик.

– Уволить его немедленно!!! – вновь закричал Лавочкин, в очередной раз оглушая директора, которая и так в противоположную от кабинета стенку слегка вжалась.

– Короче, Вера Сергеевна, либо он, либо сегодня же пишу заявление я! И точка!

– Анатолий Сергеевич, вы в своем уме? Вон, уже ваш ученик стоит. Даже подходить боится.

– Да, я в своем уме! Теперь я точно в уме своем! Или он, или я! И поверьте, детишкам от этого будет только лучше! Поверьте!

– А кто будет работать? – начала кое-что из проносившихся слухов относительно настройщика припоминать Вера Сергеевна. – Ведь в нашей школе столько инструментов, и все в таком состоянии, что...

– Есть хороший мастер. Есть. Но этот человек, этот подлый человек его несколько лет назад выжил! Когда рама на дорогом рояле треснула, чугунная рама, а не какая-то там дека, он все списал на того мастера, на того скромного человека! Честного человека! А сколько преподавателей он подкупил, чтобы только его рекомендовали! Вы же знаете об этом, Вера Сергеевна!

Настройщик хотел открыть рот, но директор властным жестом заставила его прикрыть, пока помолчать, а заодно пойти почистить зубы.

– А вы уверены, Анатолий Сергеевич, что тот мастер пойдет к нам работать?

– Да. Если этого человека здесь не будет, он пойдет. Где хороший настройщик может в маленьком городке устроиться в наше время?

– Хорошо. Я согласна. Юрий Николаевич, идите в мой кабинет и пишите заявление! И не вздумайте сопротивляться, вы не девочка! Пишите, а то я вас по таким статьям в шею погоню, что мало не покажется! – затем директор вновь повернулась к учителю музыки. – Работайте, Анатолий Сергеевич. Вы спокойно продолжайте работать.

– Спокойно не получится.

– Почему?

– Мои ученики ближайšie два конкурса пропустят. А может, и три.

– Как это?

– Так надо, Вера Сергеевна. Поверьте, так надо.

– Ну, не могу сказать, что я очень рада, конечно.

Ладно, я понимаю, о чем вы сейчас, Анатолий Сергеевич. Все равно, продолжайте работать. Мишенька, иди сюда! Что ты там стоишь? Анатолий Сергеевич тебя уже жаждался!

– Здравствуйте, Анатолий Сергеевич, – вежливо поздоровался пятиклассник, пройдя в класс и доставая ноты.

– А-а! Миша! Доброе утро! Да погоди ты со своим Моцартом! Погоди! Не помрет же он, в конце концов!

Мальчик недоумевая подозрительно посмотрел на учителя, отложив в сторону ноты различных, вызывающих зубной зуд, тарантелл.

– Скажи-ка мне, Миша! Говорят, ты умеешь делать отличные сайты! Это так?

– Нет, – не понимал ученик, что происходит с его учителем, – я пока только учусь.

– А можешь мне что-нибудь показать?

– Показать? Вам?! Вы же меня... ой, извините, Анатолий Сергеевич. Не могу.

– Почему?

– Нужен компьютер.

– А разве в рюкзаке у тебя не лежит маленький компьютер?

– Лежит, – немного покраснел Миша и опустил глаза.

– Вы только маме не говорите, что я ноутбук с собой принес. В школе обещал друзьям новый сайт показать.

– Вот видишь, друзьям обещал, а мне не хочешь?

– Правда?! – озарился мальчик. – Вам интересно?

– Конечно! Очень! Я сгораю, как хочу знать, что такое... постой, как же их, – Анатолий Сергеевич вновь

достал из внутреннего кармана пиджака смятый листок и прочел на нем: – Те-ги! Вот что это за устрица такая, Миша, можешь мне, старому человеку, объяснить?

– Вот это да! Да какой же вы старый, Анатолий Сергеевич?

Что дальше творилось в классе учителя музыки! Ученик, будто у него мотор внутри заработал, вмиг извлек ноутбук, водрузил его без спроса на стол учителя, запустил и целых двадцать минут что-то там показывал, объяснял со скоростью звука и юной мысли, то и дело тыкая указательным пальцем в экран.

Анатолий Сергеевич внимательно слушал, ничего там понять не мог, и даже старался не понимать то, чего и мог бы. Вдруг еще и сам увлечется этой новомодной?

Когда краткий экскурс был окончен, Миша сиял, а учитель серьезно ему сказал:

– Миша, ты уже взрослый и должен понимать, что программу все равно надо учить. И так нелюбимого тобой Моцарта! Ну, прости, ее не я придумал! Эту программу!

И вот оно, чудо, которого никак не ожидал услышать учитель:

– Анатолий Сергеевич! Да я сегодня же ее все выучу! До утра сидеть буду! Неделю! Я просто обожаю Моцарта! Я без него жить не могу! Вам правда мой сайт понравился?

– Правда, – искренне ответил учитель, радуясь внутренне не меньше, нежели его ученик, которого он уже в шею гнать хотел, за то что тот фанатично не предан классической музыке.

И никакого чуда в этом не было. Обычная жизнь, причем настолько элементарная, что становится странным такое неведение, непонимание взрослых людей.

– А хотите, я для нашей школы сайт сделаю, Анатолий Сергеевич?

– Для школы? А, так для школы уже есть! А для нашего класса можешь?

– Для нашего?

– Для нашего.

– А фотку вашу можно? У рояля! – горели Мишины глазки.

– У рояля? Только со всеми вами, моими учениками!

– Без вопросов, Анатолий Сергеевич!

– По рукам, Миша!

Они ударили по рукам.

– Только сначала Моцарт! – строго добавил учитель.

– Без проблем, Анатолий Сергеевич! – деловито уверенно ответил ученик.

– А я тебе за это разрешу ту мелодию на концерте сыграть.

– Вечную любовь?! – чуть не подпрыгнул на месте Миша.

– Да.

– Вы же сказали, что это фигня полная!

– Я был не прав, Миша. Но и ты должен был мне кое-что посоветовать.

– Чего?

– Фильм. Ты не смотрел «Тегеран – 43»? Зря. Он, конечно, не детский, но и ты уже не ребенок. А песня – шедевр! Просто она не классическая... хотя... как сказать уже... Миша, мы пока с конкурсами немного подождем. Садись, я должен с тобой серьезно поговорить.

Ученик сел за фортепиано и приготовился играть то, чего плохо выучил, либо не выучил вовсе.

– Мы с тобой так увлеклись сложной программой, что оба не заметили, как немного не по тому пути пошли. Самую малость. Теперь пора исправлять руки. Там сущие пустяки, поверь. С твоим усердием и способностями ты

быстро их поправишь. Открывай ноты. Нет, постой, давай-ка что попроще для начала возьмем... Вот, смотри...

– Анатолий Сергеевич, так это же ерундистика полная! Что тут играть?

– Вот на этой ерундистике постарайся-ка ты, Мишенька, сейчас пальцы приблизить как можно ближе к черным клавишам. И еще кое-что мы будем с тобой исправлять. Ты готов?

– Сайт точно нужен? – лукаво зыркнул ученик.

– Точно, – улыбаясь, кивнул учитель, и такой непривычной, но одновременно такой приятной была его улыбка на вечно сурьезном лице.

– Класс!

Когда начался следующий урок, Анатолий Сергеевич и там вверх девочку в состояние непонимания, что с ее учителем случилось.

– Машенька, расскажи-ка ты мне для начала, как твои успехи в плавании! И какими стилями ты уже научилась плавать!

– Петя, я слышал, ты занимаешься борьбой? – уже пришел пятый ученик Бадрина. – Это правда?

– Я знаю, что вы запрещали, Анатолий Сергеевич, но папа заставил, – оправдывался ничего не подозревающий Петя.

– Молодец твой папа! Передай ему от меня огромный привет! Мужчина должен уметь за себя постоять! Только вот приемы показывать я тебя просить не буду, хорошо?

– Хм... Анатолий Сергеевич, а что это с вами?

– Со мной? – бодро-деловито переспросил учитель, стоя в позе чемпиона мира по боксу возле окна, уперев

кулаки в бока. – Ничего. Я в детстве тоже кое-чем занимался. Но потом все равно выбрал музыку.

– А потом вы переиграли руки. Я знаю.

– Руки? Да, руки... руки-руки... Ну, давай, убирай свои ноты, нам с тобой надо быстренько кое-что обсудить, взять программу чуть полегче – это временно, так надо, дорогой, – и вперед!

Рабочий день для Анатолия Сергеевича закончился торжественно, чего никак нельзя было сказать о настройщике, пьющем третью или пятую бутылку пива прямо на лавочке возле магазина и не понимающем, почему мир к нему так несправедлив.

Анатолий Сергеевич брел домой, о чем-то серьезно размышляя, и где-то там, в глубине души, будто бы любовался сам собой, как нарочито неинтеллигентно он сейчас выглядел. Галстук распушен, портфель он оставил на работе, плащ не застегнул. Ужасно хотелось пива! Хотя бы бутылочку, и лучше даже безалкогольного. И потому еще больше мечталось встретить в эти минуты... конечно же, сантехника! Обнять его, посмотреть в глаза и попросить угостить таким пивом, которое не позволит ни завтра, ни через год, ни через десять лет вернуться в старое русло, когда есть только классическая музыка и великий Моцарт. И только они.

Анатолий Сергеевич постоял возле знакомой лавочки, не выдержав, заглянул в магазин, прихватил пару бутылочек вчерашнего, уложил их в полиэтиленовый пакет и отправился домой, жалея, что так и не встретил замечательного сантехника.

Едва Лавочкин успел переодеться, будучи уже дома, звонок в дверь.

– Сантехника вызывали?

Точно! От пережитого накануне всёпереворачивающего волнения Анатолий Сергеевич забыл, что он же сам просил починить уже неделю подтекающий кран.

– Евгений! Заходите! Заходите скорее!

– Добрый вечер, Анатолий Сергеевич. Где больной кран?

– Погодите вы про кран. Взгляните. Прошу.

Лавочкин приоткрыл дверцу холодильника, откуда выглянули две бутылочки холодненького пивка, так и желающие выпрыгнуть прямо на кухонный стол.

– О-о! Профессор, вы меня пугаете!

– Не беспокойтесь, доктор, не сопьемся.

– Не сомневаюсь. Но только после дела. Показывайте кран. Я вам его сейчас так починю, что с точностью до дня и месяца скажу, когда он в очередной раз потечет!

– Завтра?.. Что вы так на меня посмотрели? Я хочу, чтобы он потек прямо завтра.

– А вы точно еще трезвы, профессор?

– Абсолютно!

– Труба отвалится быстрее, а мой кран будет продолжать исправно работать!

Евгений работал великолепно! Сверх искусно! Никаким настройщикам не снилось его мастерство! Это они сантехники, и пусть уж не обижаются за подобное сравнение великая сантехническая наука, а он, Евгений – мастер. С большой буквы!

– Готово, профессор! Принимайте! Душ как новенький, кран даже лучше! Бачок вам починил и слив ванной подтянул. А то неровен час, соседей затопите.

- Так быстро? Вот это да!
- Кто-то что-то обещал!
- Всенепременно! Но для начала, пожалуйста, скажите, сколько с меня?
- Бутылочка пива. И сегодня только одна!
- Ну...
- Никаких «ну», профессор! Мы столько лет знакомы! Я с друзей денег не беру! Такой вот мы народ, сантехники!
- Да, не настройщики!
- Везде есть хорошие люди. Просто где-то реже. Я о нас сейчас, профессор. О сантехниках.
- Не верю.
- Тогда наливайте. Это был последний на сегодня заказ. Можно и чуток расслабиться!

Пока они наслаждались свеженьким пивом, Анатолий Сергеевич, точно так же как первый его ученик с утра по имени Миша, увлеченно рассказывал о том, что невероятного произошло с ним за эти сутки. Он вставал со стула, ходил взад-вперед по кухне, снова садился и опять вставал. Он поведал, что не мог вчера уснуть чуть ли не до утра, поэтому достал диск с фильмом «Тегеран – 43» и, просмотрев его самым внимательным образом, понял, какую однажды глупость совершил, сказав ученику, что величайшая французская песня «Une vie d’amour» – а не какая-то там «Вечно подвывающая любовь» – полная ерунда и ни в какое сравнение не идет в музыкой великого Моцарта или Гайдна. Идет, еще как идет в наш современный, ничуть не хуже, просто совсем иной, век!

– Что-то пригрустили вы, Анатолий Сергеевич, – заметил Евгений, допив пиво и собираясь уходить.

– Да... вы правы... пригрустил. Кстати, откуда вы Мишу знаете?

– Вот вы даете! Это внук моего давнего приятеля. Водитель автобуса пятого маршрута. Вы сто раз ездили этим автобусом, просто внимания не обращали на уже седого водителя. А он на ваши концерты всегда приходит.

– А!.. Дядечка такой, щупленький.

– Щупленький, щупленький! Колесо от автобуса одной левой поднять может, а так с виду щупленький.

– Так это и есть дедушка Миши Власьева?

– Он самый!

– Вот оно что! Надо же, я столько лет был слеп, выходит?

– Так о чем вы пригрустили, профессор? – понимал сантехник, но хотел убедиться, что не ошибается.

– Да есть о чем... – вздохнул Анатолий Сергеевич и совсем тихо произнес: – Не все в жизни можно исправить... не все. Вита.

– О! Не беспокойтесь! Ее мама нашла себе классного мужа, тот их обеих на руках увез в столицу! И теперь девочка поет!

– Что вы говорите?

– Да-да! Поет! И прошу заметить, не воет даже ее учитель, как меня заверили. А девочка чудно поет! Я уже слышал ее запись!

– А почему заверили вас?

– Ха! Ее мама – сводная сестра моего кума, между прочим!

– Ого-го го-го го-го... Как же тесен этот мир.

– Особенно в нашем небольшом городке. Ну, я пошел, профессор. Домой пора. Семья ждет. Ваши-то где?

– Дочь где-то гуляет, у нее же первый брак – того, брак. Жена скоро придет. Может, останетесь поужинать с нами? Супруга вернется с минуты на минуту.

– Нет, меня моя жена ждет, профессор.

– Жень, ты извини, можно на «ты»?

– Для вас можно, профессор!

– Для «вас»? – Лавочкин протянул руку.

– Будь здоров, Толя! Какие проблемы – звони в любое время! Вот мой телефончик, – сантехник протянул малюсенький листочек, заменяющий визитную карточку, с номерами мобильного и домашнего телефонов.

– Спасибо! Эх, а бороду я все-таки сбрею. Зачем мне борода? Ну, бывай, Жень! И уговор, кто первый друга вечером замечает, тот угощает пивом!

– Заметано! Только вот... скажи мне, Толь, а ты завтра, случайно, не протрезвеешь?

– Так я ж вроде...

– Или через неделю?.. Месяц?..

– А... вон ты о чем. Я постараюсь!

Они обменялись крепким рукопожатием. «Музыкант, музыкант, а хватка железная!» – констатировал больше для настроения Евгений. И на том довольные расстались.

Конец

(Рассказ написан в апреле 2015 года)

=====

© Алексей Павлов **"САНТЕХНИК"**
Сборник короткой прозы
Том 1
ISBN 978-5-9907646-2-0
Издательство Фонда **"Сталинград"**
Москва 2016

<http://alexey-pavlov.ru>

Литературный сайт Алексея Павлова

<http://lit-izdat.ru>

Издательство Фонда **"Сталинград"**

[Вернуться в начало книги](#)